Святослав Рыбас

Рыбас Святослав Юрьевич — писатель-историк, председатель совета директоров Русского биографического института, член Союза писателей России.
whoiswho@whoiswho.ru

Статья написана по материалам доклада автора Общественному совету при Министерстве культуры РФ.

Закономерности и циклы. От императора Павла I к президенту Владимиру Путину

«Но и простой гражданин должен читать Историю. Она мирит его с несовершенством видимого порядка вещей, как с обыкновенным явлением во всех веках; утешает в государственных бедствиях, свидетельствует, что и прежде бывали подобные, бывали еще ужаснейшие, и Государство не разрушалось...»
Н.М. Карамзин

Температурный график государственной политики

Думая о будущем, поговорим о цикличности исторического процесса. Последуем выводам английского философа Арнольда Тойнби: «Цивилизации не только не могут пребывать в состоянии покоя, но не могут и произвольно менять направление, как если бы они двигались по улице с односторонним движением» [1].

Поговорим об особенностях и закономерностях российского «одностороннего движения».

В начале XX в. генерал Алексей Ефимович Едрихин, писавший под псевдонимом Вандам, определял положение русских как наименее благоприятное «по сравнению с другими народами белой расы»: «Страшные зимние холода и свойственные только северному климату распутицы накладывают на его деятельность такие оковы, тяжесть которых совершенно незнакома жителям умеренного Запада» [2].

Если в России сельскохозяйственный цикл ограничивался пятью месяцами (125–130 рабочих дней), то в Европе он почти в 2 раза больше и урожайность сельскохозяйственных культур гораз-

до выше. Русские были обречены на постоянную борьбу за выживание.

«Природа <...> предназначила России быть раздробленной страной, составленной из множества независимых самоуправляющихся общностей» [3]. Например, к концу XIX в. «хорошая германская ферма» получала более одной тонны зерновых с акра земли, в России же урожай был в 4 раза меньше.

Россия всегда была военной структурой, ее режим был мобилизационным, на согласование интересов элиты лишних средств не имелось.

Американские военные аналитики (агентство «Стратфор»), оценивая геополитические условия страны с точки зрения обороны, указывают: «Основополагающей характеристикой России является ее невозможность защитить себя. В отличие от большинства государств, которые являются в достаточной мере обороноспособными, Центральная Россия ограничена регионом средневекового Великого княжества Московского. Тут нет рек, океанов, болот или гор, которые бы обозначили естественные границы, — для защиты здесь полагаются только на относительно негостеприимный климат и леса. Русская история — это летопись борьбы с вторжениями, идущими одно за другим. Российская география подразумевает, что Россия или будет иметь централизованные правительство и экономическую систему, или развалится на части, раздираемая националистическими движениями, восстаниями крестьян и голодом в городах. Урбанизация, а тем более индустриализация, были бы невозможны без сильного центра» [4].

Циклы нашей истории таковы: жесткая централизация, за которой следует либерализация, затем после ослабления государственного управления начинается новая волна централизации, которая сменяется новой либерализацией, и т.д. В истории культуры эта закономерность определялась как соперничество «славянофилов» с «западниками», что достаточно условно.

«Стратфорд»: «В действительности, сама Российская империя или Советский Союз были бы невозможны. Естественным стремлением империи, да и самой России является ее распад. Таким образом, для сохранения целостности страны необходимо было централизовать в столице бюрократический аппарат, действующий исключительно по установленным самодержавием правилам, а также содержать многочисленный аппарат безопасности, который принуждал бы сохранять единство империи. История России — это история контроля над мощными центробежными силами, разрывающими ткань страны.

Россия, таким образом, имеет две стержневые геополитические проблемы, первая — это поддержание единства империи. Но создание и сохранение империи представляет собой вторую проблему — поддержание внутренней безопасности. Необходимо сохранять империю единой и защищать ее границы в одно и то же время, хотя достижение одной цели подрывает усилия по достижению другой».

Крайне непродуктивно полагать случайностью или злым умыслом появление на Олимпе таких фигур, как условные императоры Павел и Александр I, императоры Николай I и Александр II, Сталин и Хрущев, Брежнев и Горбачев.

История России — это история контроля над мощными центробежными силами, разрывающими ткань страны.

К нашему разговору предлагаю такой эпиграф: «*Убийство императора*».

В ночь с 11 на 12 марта 1801 г. Павел был убит гвардейскими офицерами в собственной спальне в Михайловском замке.

Один из ближайших друзей нового императора Александра Адам Чарторийский раскрыл экономическую причину завершения павловской централизации: «Примирение России с Англией было непосредственным результатом смерти Павла. Война с этой державой, издавна богатейшим рынком для русского железа, хлеба, строевого леса, серы и пеньки, более всего восстановила общественное мнение против покойного императора. После его смерти нужно было во что бы то ни стало положить войне конец».

Дворянская элита вернулась со своими экспортными товарами на английский рынок, а отечественная историография навсегда определила Павла как полусумасшедшего правителя.

Александр I готовил план поэтапной политической реформы, включая создание законодательной основы самодержавия — выборные думы, начиная с волостных и заканчивая общероссийской Государственной. Выборной и независимой должна была стать и судебная власть. Проект предусматривал и новое территориальное деление страны с созданием на окраинах пяти специальных областей — Сибири, Кавказа с Закавказьем (включая Астрахань), Оренбургского края, Области Вой-

ска Донского, Новороссии. Империя должна была стать конституционной монархией. Эти проекты не осуществились. Александр не смог пойти по силовому пути Петра. Его остановило предупреждение консервативного большинства, высказанное Николаем Михайловичем Карамзиным в «Записке о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношениях». Там были такие слова: «Заговоры да устрашают народ для спокойствия государей! <...> Заговоры суть бедствия, колеблют основу государств и служат опасным примером для будущности. <...> Самодержавие есть палладиум России; целость его необходима для ее счастья; из сего не следует, чтобы государь, единственный источник власти, имел причины унижать дворянство, столь же древнее, как и Россия».

После победы над Наполеоном Александр I был озабочен ни более ни менее как европейским единством, спасением человечества и идеей «внесения в политическую жизнь Европы начал правды, взаимопомощи, христианской любви и братства».

Восстание декабристов называли революцией, на самом деле это была попытка военного переворота. Царскую семью планировали убить.

Обратим взгляд на английские порты, здесь множество кораблей с российским зерном, лесом, железом. Внешнеторговое счастье продолжалось с 1813 по 1817 г. И вдруг — конец! Лондон продемонстрировал приоритет собственных интересов, и российские помещики были возмущены его беспредельной неблагодарностью: англичанами были подняты таможенные пошлины на ввозимое зерно («хлебные законы»).

Карикатура в английской газете: русский купец, прибывший на своем корабле, показывает товар: «Вот отличное зерно! Отдаю по 50 шиллингов». Английские лендлорды отвечают: «А у нас уже есть свое. Есть где купить поближе. До свиданья».

Для укрепления бюджета Александр I стал ужесточать внутреннюю политику: отнял у дворян винные откупа, ввел винную монополию и налог на поместья. Был учрежден Кредитный банк для кредитования купцов, введены таможенные пошлины на заграничные товары.

Либеральный цикл завершился после восстания гвардейских офицеров (декабристов) в 1825 г. Восстание называли революцией, на самом деле это была попытка военного переворота. Царскую семью планировали убить. Когда вели следствие, выяснилось, что одна из причин восстания — новые налоги на поместья, торговлю, промышленность, ликвидация винных откупов и государственная винная монополия.

Александра I в чем-то можно сравнить с Президентом СССР М.С. Горбачевым, а декабристов — с застрельщиками из ГКЧП.

Индустриализация Николая I и Великие реформы его сына

Следующий цикл начался с «подморозки» императора Николая I.

На его письменном столе много лет лежал Свод показаний декабристов, составленный по его приказу. В нем указывалось: «...надобно даровать ясные, положительные законы; водворить правосудие <...> возвысить нравственное образование духовенства; подкрепить дворянство, упавшее и совершенно расстроенное займами в кредитных учреждениях; воскресить торговлю и промышленность незыблемыми уставами; направить просвещение юношества сообразно каждому сословию; улучшить положение земледельцев; уничтожить унизительную продажу людей; возвысить флот <...> Словом, исправить многочисленные беспорядки и злоупотребления».

Нового императора принято считать консерватором до мозга костей, на самом же деле это далеко не так. Травма «14 декабря» психологически раздавила его. По словам декабриста Е.А. Розена, «восстание отбросило Россию на 50 лет назад». Либеральные установки предыдущего царствования свелись к контролю за выполнением высочайших распоряжений на центральном и местном уровнях, от министров до городничих, а также контролю за настроениями общества, деятельностью государственного аппарата, ситуации в армии и гвардии.

Николай I несколько раз обсуждал проекты освобождения крестьян, но не принял ни одного. В России и Европе цены на зерно были исключительно низкие, поэтому отнять у помещиков дешевых работников означало экономическое самоубийство правящего сословия.

В его царствование были открыты Технологический институт, Высшее техническое училище, Главный педагогический институт, Архитектурное училище, Училище гражданских инженеров, Земледельческий институт, Межевой институт, Училище правоведения, Императорский университет Святого Владимира в Киеве, Главная астрономическая обсерватория. Он распорядился дворянских детей обучать только в России, в противном случае их не принимали на государственную службу. Идеология царствования: «Православие,

самодержавие и народность». Это означало проведение технической модернизации, развитие экономики и нравственности народа под опекой государства. Николай I говорил: «Революция на пороге России, но я клянусь, она не проникнет в нее, пока во мне сохранится дыхание жизни, пока Божьей милостью я буду императором».

В это время в Европе заканчивалась промышленная революция, ситуация на европейском рынке изменилась. Историк Михаил Николаевич Покровский отмечал: «Как нарочно, в это самое время главное сырье, какого искала Англия на русском рынке, хлеб, было дешево в Западной Европе. Уже благодаря одному этому Россия была Англии более не нужна; благодаря расцвету русской промышленности после 1812 г., она была, или, по крайней мере, казалась, вредна и опасна».

Россия была вынуждена повернуться к восточному рынку.

Читаем у Вандама: «Короче говоря, своим географическим положением Русский народ обречен на замкнутое, бедное, а вследствие этого и неудовлетворенное существование. Неудовлетворенность его выразилась в никогда не ослабевавшем в народных массах инстинктивном стремлении „к солнцу и теплой воде“, а последнее в свою очередь совершенно ясно определило положение русского государства на театре борьбы за жизнь» [2]. С 1829 г. главным противником Российской империи была Османская империя, против которой и развивался Черноморский флот, оснащенный лучшими в мире парусными кораблями. Однако Англия уже вошла в новый технико-экономический цикл, энергетику которого определял паровой двигатель. В России же только начиналось строительство кораблей с винтовыми двигателями; в головах русских адмиралов еще царила уверенность в боевых возможностях парусников.

Николай I, опираясь на недавние победы армии, был уверен, что сможет решить многовековую геополитическую задачу: получить контроль над средиземноморскими проливами, запереть Черное море от чужих флотов, прежде всего английского. За этим императивом стоял вопрос о свободе экономических сношений в Средиземном море, о свободе русского экспорта и независимости всей южнорусской морской торговли.

После побед в войнах с Персией и Турцией к России перешли Дагестан, Грузия, Абхазия, Восточная Армения, восемь азербайджанских ханств. Россия стала покровителем всех христианских подданных турецкого султана, султан признал независимость Греции и широкую автономию Сербии; по Ункяр-Искелесийскому договору Россия получила право блокировать проход иностранных кораблей в Черное море.

Геополитическая ситуация глазами британцев выглядела так (цитирую «Крымскую войну» академика Евгения Викторовича Тарле): «Захват Россией проливов означал, с точки зрения английских ди-

пломатов, во-первых, наступление эры полной неуязвимости русского государства со стороны Англии; во-вторых, этот захват не мог не явиться прелюдией к полному завоеванию Турции <...> Следовательно, отдать царю Турцию, значит отдать ему Индию. А потерять Индию для Англии значит превратиться во второстепенную державу.

Поддаться на соблазнительное предложение царя — поделить Турцию между Англией и Россией — значит, по мнению британского кабинета, пойти на коварнейший и опаснейший для Англии обман <...> Захватив Малую Азию от Кавказа до азиатского берега Босфора, обеспечив за собой прочный тыл как на Кавказе, так и на Балканском полуострове, где Сербия, Болгария, Черногория, Молдавия, Валахия «превратятся в русские губернии», царь может спокойно послать затем несколько дивизий к югу от Малой Азии, эти войска без особых усилий выметут англичан прочь из Месопотамии, а если царю будет угодно, то и из Египта, и Сирии, и Палестины <...> Слишком неодинаковы будут условия после дележа для России и Англии, слишком сильна Россия своей географической близостью и связанностью с турецкими владениями и своей огромной сухопутной армией. «Если садишься ужинать с чертом, запасайся очень длинной ложкой, иначе на твою долю ничего не останется <...> В лондонском Сити уже давно жаловались на препятствия, которые Россия чинила английской торговле и в Средней Азии, и даже в Персии, и боялись также, что в случае захвата Россией Дунайских княжеств Англия лишится крупного хлебного импорта и будет слишком зависеть от цен на русский хлеб» [5].

Поэт и дипломат Федор Иванович Тютчев записал 24 февраля 1854 г.: «...Россия, по всей вероятности, вступит в схватку с целой Европой. Каким образом это случилось? Каким образом империя, которая в течение 40 лет только и делала, что отрекалась от собственных интересов и предавала их ради пользы и охраны интересов чужих, вдруг оказывается перед лицом огромнейшего заговора? И, однако ж, это было неизбежным. Вопреки всему — рассудку, нравственности, выгоде, вопреки даже инстинкту самосохранения, ужасное столкновение должно произойти. И вызвано это столкновение не одним скаредным эгоизмом Англии, не низкой гнусностью Франции, воплотившейся в авантюристе, и даже не немцами, а чем-то более общим и роковым. Это — вечный антагонизм между тем, что, за неимением других выражений, приходится называть: Запад и Восток» (*Из письма Э.Ф. Тютчевой*).

Итог экономической конкуренции под идеологическим прикрытием борьбы за христианские ценности в Палестине — Крымская война, героическая оборона Севастополя, оборона по всему периметру российских границ от Кронштадта до Соловецкого монастыря и Тихого океана.

Если говорить о столкновении технологических укладов, то английские пароходы, ведомые буржуазией, победили русские парусники, ведомые аристократами. Консервативная «подморозка» не выдержала перенапряжения. Цикл завершился.

Новый цикл начал император Александр II («Освободитель»), проведя «Великие реформы». И был

убит. Гибель царя-освободителя от рук террористов была отчасти предопределена либерализмом полиции. Его молодая жена княгиня Долгорукая попросила премьер-министра М.Т. Лорис-Меликова о смягчении режима охраны, чтобы не раздражать публику.

Санкт-Петербург, храм Спаса на Крови, воздвигнутый на месте убийства императора Александра II. В нишах цоколя на темно-красных гранитных досках золотыми буквами начертаны главные деяния царя-освободителя: освобождение крестьян от крепостной зависимости; указ об ограничении (фактически полной отмене) телесных наказаний; положения «О земских учреждениях» и «О предоставлении печати возможных облегчений»; положение «О всеобщей воинской повинности»; положение о реформе начального, среднего и высшего образования, в том числе женского; судебная реформа, должная («водворить в России суд скорый, правый, милостивый и равный для всех подданных...»); положения об экономических и финансовых преобразованиях и развитии сети железных дорог и телеграфного сообщения; присоединение к России Амурского и Уссурийского краев по итогам договоров с Китаем; присоединение Средней Азии и окончательное покорение Кавказа; восстановление державных прав России на Черном море; освобождение балканских христиан от османского ига.

В соответствии с Манифестом «О Всемилостивейшем даровании крепостным людям прав состояния свободных сельских обывателей» и «Положением о крестьянах, выходящих из крепостной зависимости» крестьяне получали личную свободу и право свободно распоряжаться своим домом и движимым имуществом. При этом они должны были выкупить предоставленную им землю у бывших владельцев, которые сами были в долгах перед Государственным банком. Эти долги перекладывались на крестьян, как «казенный долг», а помещики получали доходные процентные бумаги. Рассрочка оплаты долга составляла 49 лет, что с учетом 6% годовых в итоге в 3–5 раз превышало рыночную стоимость выкупаемой земли. К тому же земля передавалась не в личное пользование, а крестьянской общине, которая ее распределяла, должна была регулярно проводить «справедливые» переделы, отвечала за уплату налогов, решала, можно ли отпустить крестьянина на заработки.

Великие реформы были «революцией сверху», за нее заплатил правящий класс.

Накануне реформ в 1859 г. была проведена банковская реформа, сильно сократившая количество оборотных средств в экономике. Экономист Сергей Федорович Шарапов писал: «То есть к моменту завершения крестьянской реформы г.г. „молодые финансисты“ (так их величали) свели денежное обращение в России с 2,5 миллиарда полноценных, ходивших *al pari* рублей, до 2/3 миллиарда бумажных денег, терявших на курсе 8%» [6].

А.Г. Кузнецов, математик-кибернетик:

«Считаю доклад С.Ю. Рыбаса чрезвычайно важным и актуальным, заслуживающим доведения до сведения руководства страны. Он впервые решился публично намекнуть на практически запретную до сих пор тему — о причинах закономерности Всемирной истории, невнятно объясняемых разве что „теорией заговора“ и влиянием „мировой закулисы“.

А ведь еще в прошлом веке и ныне общепризнано экономисты, в частности, впервые Н.Д. Кондратьев, а затем Дж. Китчин и К. Жюгляр, обнаружили характерные производственные или рыночные циклы, никак не объясняемые деятельностью вкупе и отдельных правительств и бизнесменов. За открытие демографических („строительных“) циклов Саймон Кузнец даже удостоился присуждения Нобелевской премии».

После отмены крепостного права резко повысилась потребность экономики в оборотных средствах, помещичьи и крестьянские хозяйства были вброшены в дикий рынок, последовало разорение помещиков и обеднение крестьян.

С.Ф. Шарапов делает вывод: дворянство разорено и обезземелено; государство ослабело и впало в неоплатные долги; власть расшаталась и потеряла способы воздействия, ибо управлять толпою нищих и некультурных людей невозможно. «Молодые дворянские поколения, выгнанные из деревни, нашли исход недовольству в самых диких политических учениях, которые всегда по общему закону развиваются в эпоху экономических бедствий <...> Неужели можно безнаказанно накоплять в стране голодную, озлобленную, не находящую живого дела интеллигенцию? Неужели бороться с этой голодной интеллигенцией можно только полицейскими методами? <...> Жизнь говорит: поддержите землю, хозяйство — в них вся суть, весь корень жизни русского народа. Мы отвечаем на это самым бесшабашным биржевым грюндерством. Скоро у нас акций и облигаций будет больше, чем хлеба».

В России никогда не было достаточных средств для значительных бюрократий, поэтому на помещиков, на дворян всегда возлагалось несение еще и некоторых государственных функций. Как отметил политический аналитик и историк Сергей Борисович Переслегин, «картина царской России как бюрократической абсолютно неверна. Мы были недобюрократизированной страной».

«После всех платежей полученная по выкупной операции сумма не обеспечивала ему (помещику) „удовлетворения самых насущных потребностей жизни“» (Н.С. Петлин, в 80-е годы XIX в. директор отделения вкладов на хранение в Государственном банке Российской империи). Лишенные

оборотных средств, они (помещики) были вынуждены брать кредиты, закладывая земли в частных банках, на кабальных условиях, по 9–12% годовых. Такая нагрузка на хозяйства была неподъемной. Многие разорялись, хотя и пытались добиться увеличения производства. «В итоге большая часть „поживы“ досталась биржевым игрокам, которые, по образному выражению современника, „представляют собою чистых паразитов на больном теле государственного организма“» [7].

Терявшие финансовую опору дворяне неизбежно должны были уступить власть новой бюрократии и новым экономическим деятелям. Началось «оскудение дворянства», утрата ценностей дворянской культуры. В 1861 г. среди дворян было около 80% землевладельцев, в 1895 г. — около 55%, а в 1912 г. — 37%. Молодые дворяне формировали оппозицию государственному порядку. После ряда неудавшихся покушений на императора, организованных «Народной волей», террор достиг своей цели. В воскресенье 13 марта 1881 г. император был на разводе караулов лейб-гвардии саперного батальона, потом заехал на чай к своей двоюродной сестре, после чего отправился через Екатерининскую набережную в Зимний дворец. Его карету сопровождали семь конных казаков и двое полицейских во главе с полицмейстером. На набережной его ждала группа народовольцев во главе с Софьей Перовской.

Она — дворянка, правнучка графа Кирилла Разумовского, президента Академии наук, малороссийского гетмана. Кирилл Разумовский — брат Алексея Разумовского, тайного супруга императрицы Елизаветы Петровны. Отец Софьи Перовской — санкт-петербургский губернатор, уволен после покушения Каракозова на императора. Она входила в группу образованной и полуобразованной молодежи, охваченную идеалистической атмосферой Великих реформ. Имела свидетельство учительницы народных училищ, окончила фельдшерские курсы, что для девушки той поры было большой редкостью.

После реформы народного просвещения и принятия университетского устава открывались новые университеты, академии, реальные гимназии и народные училища. В экономике и управленческой системе империи не было места для этой молодежи.

На допросе Софья Перовская заявила: «У нас были нравственные обязательства перед народом. Это за счет обездоленного, неграмотного, невежественного народа, работающего веками в поте лица, культурные люди пользуются всеми благами жизни».

В финальном террористическом акте участвовали четверо: сама Перовская, 19-летний студент, сын управляющего лесопильным заводом Рысаков, студент Петербургского технологического института Игнатий Гриневицкий. У императора была раздроблена правая нога и оторвана стопа левой. Он истекал кровью. Его накрыли чужой шинелью и увезли в Зимний дворец. Через два часа он скончался.

Царь-миротворец и закон Фукидида для его наследника

На трон взошел Александр III, началась консервативная стадия нового исторического цикла.

Его приветствовал исполнительный комитет «Народной воли»: «Напоминаем Александру Третьему, что всякий насилователь воли народа есть народный враг и тиран».

Накануне Великих реформ в России дворянское государство, исповедующее идеи жертвенного служения Отечеству и императору, воспринимается молодежью как архаизм.

Тем не менее новый император понимал, что является единственным гарантом сосуществования в стране различных социокультурных ядер. Его цель — соединить современную технику и технологию с национальным мироощущением. Так, к примеру, проходила индустриализация в Японии. Его главным сотрудником стал министр финансов Сергей Юльевич Витте, дворянин, внук идеолога «русской партии», участника Кавказских войн, генерала и военного теоретика Ростислава Андреевича Фадеева. Он окончил Новороссийский университет в Одессе, приобрел опыт в управлении южнорусскими железными дорогами во время Русско-турецкой войны. Он сформулировал задачи ближайших десяти лет: догнать промышленно развитые европейские страны и закрепиться на рынках Ближнего, Среднего и Дальнего Востока. Ускоренное развитие обеспечивалось иностранными займами, винной монополией, ростом косвенных налогов, таможенной защитой от западного импорта и поощрения экспорта. Государственная монополия на продажу спирта, вина и водки дала бюджету огромные средства. Денежная реформа (укрепление рубля — «золотой рубль») обеспечила приток иностранных инвестиций. Себестоимость зерна выросла, аграрный дворянский бизнес утратил возможность зарабатывать на слабом рубле. Крупные дворянские поместья, политическую опору империи, С.Ю. Витте оставил один на один с банковским капиталом, отстранялся от международной торговли старорусский купеческий капитал. При этом были увеличены налоги на крестьян, вынуждавшие увеличить ими продажу зерна. «Не доедим, так вывезем!» — объясняли финансисты. В 1890-х годах промышленное производство удвоилось. С.Ю. Витте отказался от русофильских пристрастий и сделал ставку на иностранные банки.

Сотрудник министерства финансов Иосиф Иосифович Колышко писал: «В нищей, полуголодной стране трепался весь обмотанный роскошью, весь

просоченный жадностью, сотканный из бездушия и эгоизма банковский сгусток. Отделившись от отощавшего российского тела, сгусток этот попирал расступавшуюся перед ним толпу».

Александр III был убежденным защитником национальной промышленности, правил твердой рукой, российские таможенные ввозные пошлины росли почти каждый год.

Был построен железнодорожный Великий Сибирский путь, который должен был стать «сухопутным Суэцким каналом». Россия должна была опередить Европу на рынках Китая, Японии и Кореи. Вырос центр русской экспансии в китайском городе Харбине. За 14 лет население Сибири и Дальнего Востока удвоилось, вдоль Транссиба построили десять новых городов. Россия обрела выход к Тихому океану в незамерзающие бухты Порт-Артура и Даляньваня. Без них Транссиб оставался бы геополитическим тупиком.

С.Ю. Витте распахнул двери капитализму, который действовал своими агентами — владельцами акционерных банков, биржевыми спекулянтами, князьями, чиновниками, генералами, адмиралами, купцами, профессорами, журналистами. Перед растущим капитализмом, однако, стоит политическая преграда: дворянская сословная система государственного управления. Аграрный сектор облагается налогами в 3–3,5 раза выше, чем промышленный. Это перекачивание денег в промышленность (в «капиталистического паразита», по Карлу Марксу) разрушительно для архаичной массовой культуры. Мелкие и средние поместья быстро меняют хозяев, а крупные помещики все же сохраняют свои владения.

Как отмечал инженер и предприниматель барон Николай Егорович Врангель, отец белогвардейского генерала Петра Николаевича Врангеля: «Ни помещики, ни крестьяне к новым порядкам подготовлены не были, с первых же шагов начались хозяйственная разруха и оскудение. Помещики, лишившись даровых рук, уменьшили свои запашки, к интенсивному хозяйству перейти не сумели и в конце концов побросали свои поля, попродавали свои поместья кулакам и переселялись в город, где, не находя дела, проедали свои последние выкупные свидетельства. С крестьянами было то же. Темные и неразвитые, привыкшие работать из-под палки, они стали тунеядствовать, работать спустя рукава, пьянствовать. К тому же в некоторых губерниях наделы были недостаточные. И повсюду попадались заброшенные усадьбы, разоренные деревни, невозделанные поля. Леса сводились, пруды зарастали, молодое поколение крестьян уходило в города на фабрики. Старая Русь вымирала, новая еще не народилась [8].

К 1897 г. почти половина (47,2%) дворян, проживавших в европейской России, утратили связь с землей и были горожанами, тогда как еще 30 лет назад таких было только 15–20% [9]. Не надо обольщаться мыслью, что оставшиеся землевладельцы располагали обширными поместьями. На самом деле, судя по структуре частного личного землевладения в европейской России, мелких собственников (до 100 десятин) было огромное количество — 91,7%, а крупных (свыше 1 тыс. десятин) — 1,2% [10].

Дворянские дети смотрели на жизнь другими глазами, хотя коронная власть по-прежнему считала их опорой. Угасала поместная Атлантида, столь поэтично описанная мелкопоместным орловским дворянином, Нобелевским лауреатом Иваном Алексеевичем Буниным.

Реформа самоуправления открыла всем слоям путь к участию муниципальной власти. До этого уездом правила сословная дворянская корпорация, теперь — жители уезда, обладающие имущественным цензом, и крестьянские общины. Они ведали широким кругом вопросов, от создания земских школ и пунктов проката сельхозинвентаря до строительства дорог и больниц. Место сословных интересов заняли общеземские нужды и интересы. Горожане получили право избирать

Великій Сибирскій путь. Забайкальск. ж. д. Скорый поѣздъ при выходѣ со ст. Иркутскъ.

The great Siberian way Railway of Baikal. The quick train from the station Irkutsk.

Закон древнегреческого историка Фукидида указывает, что рост военной силы государства практически всегда ведет к столкновению с соседними государствами.

гласных (депутатов) в городские думы, которые так же ведали городским хозяйством, как земства ведали земскими. Самоуправление приняло столь широкий характер, что стало восприниматься как начало перехода к представительному государственному устройству. Сталкиваясь с чиновничьими препонами, земская деятельность приобретала политический характер. Коронная власть стала ограничивать земское самоуправление.

Экономическая карта империи выглядит так. Юг России — донецкие металлургические и машиностроительные заводы, угольные шахты, судостроительная верфь в Николаеве. Петербург — машиностроительные заводы, судостроение. Урал — металлургия, машиностроение. Кавказ — нефтедобыча. Москва — машиностроение, текстильное производство. Центрально-Черноземные, Поволжские губернии — огромные поместья (до 70% от всего объема частной земли), основа дворянского зернового бизнеса.

В 1896 г. после смерти Александра III на трон взошел его сын Николай II, которому было 12 лет, когда погиб Александр Освободитель. На него легла давящая ноша предыдущих царствований.

О закономерностях процесса высказался Федор Иванович Тютчев: «В истории человеческих обществ существует роковой закон, который почти никогда не изменял себе. Великие кризисы, великие кары наступают обычно не тогда, когда беззаконие доведено до предела, когда оно царствует и управляет во всеоружии силы и бесстыдства. Нет, взрыв разражается по большей части при первой робкой попытке возврата к добру, при первом искреннем, быть может, но неуверенном и несмелом поползновении к необходимому исправлению. Тогда-то Людовики шестнадцатые и расплачиваются за Людовиков пятнадцатых и Людовиков четырнадцатых. По всей вероятности, то же самое постигнет и нас в том страшном кризисе, который — немного раньше или немного позже, но неминуемо — мы должны будем пережить» (В письме А.Д. Блудовой, Петербург, 28 сентября 1857 г.).

Ф.И. Тютчеву через десяток лет ответил С.Ю. Витте: «Говоря о русском дворянстве, я считаю своим долгом еще раз сказать, что я сам потомственный дворянин и в числе моих предков имеются лица, исторически известные, как знатные столбовые дворяне, и я знаю, что и между дворянами есть много весьма благородных неэгоистичных людей, проявляющих именно тот дух, который должен быть свойствен каждому истинному дворянину, — именно: забота о слабых и о народе.

Все великие реформы Императора Александра II были сделаны кучкою дворян, хотя и вопреки большинству дворян того времени, так и в настоящее время имеется большое число дворян, которые не отделяют своего блага от блага народного и которые своими действиями изыскивают средства для достижения общенародного блага вопреки своим интересам, а иногда с опасностью не только для своих интересов, но и для своей жизни. К сожалению, такие дворяне составляют меньшинство, большинство же дворян в смысле государственном представляет кучку дегенератов, которые кроме своих личных интересов и удовлетворения своих похотей — ничего не признают, а потому и направляют все свои усилия относительно получения тех или других милостей насчет народных денег, взыскиваемых с обедневшего русского народа для государственного блага, а не для личных интересов этих дворян-дегенератов» [11].

Мирное развитие и индустриализация во время царствования Александра III стало в соответствии с «законом Фукидида» базой для войн следующего периода. Этот закон древнегреческого историка указывает, что рост военной силы государства практически всегда ведет к столкновению с соседними государствами.

Россия стояла перед развилкой: либо продолжать догоняющую модернизацию, оставаясь сырьевым придатком Запада, либо совершить технологический рывок.

Темпы роста национального дохода соответствовали европейским показателям. Однако финансовых источников развития было недостаточно: экспорт сырья, инвестиции иностранного капитала, внешние заимствования. За каждым источником стояла мощная группа. Возьмем для примера так называемое Дело «Продугля», синдиката, контролируемого французскими банками (75% всей российской угледобычи). Для максимизации прибыли он применял запрещенные методы конкуренции — вплоть до искусственной приостановки производства с целью повышения цен. Конфликт государства и синдиката приобретал системные размеры. «В 1914 году в своих столкновениях с финансовым капиталом правительство уже чувствовало, что хотя оно и является распорядителем столь привлекательным для финансового ка-

питала казенных денег, но уже далеко не свободным в своих действиях полновластным их хозяином. В отдельных группах буржуазии в это время заходят разговоры о власти. И вот правительство решает дать бой за свой авторитет. Эффект был неожиданный — вокруг «Продугля» под лозунгом «мы можем обойтись без чиновника» сплотилась вся крупная буржуазия, даже ее фракции, не особенно дружественно настроенные к иностранному капиталу» [12].

Английский экономист Теодор Шанин считал предвоенную Россию «полуколонией Запада».

В 1860 г. по числу молодых людей со средним образованием Россия обогнала Францию, а по числу студентов вузов не уступала Великобритании. Это был кадровый резерв либеральной оппозиции, многие образованные молодые люди ощущали себя лишними людьми. У них появилась стратегия, штабы и командиры. Философ Сергей Людвигович Франк объяснял радикализм русской интеллигенции ее склонностью «видеть в политической борьбе и притом в наиболее резких ее приемах, в заговоре, в восстании и терроре и тому подобном, ближайший и важнейший путь к народному благу», «насильственное и механическое разрушение старых социальных форм само собой обеспечивает осуществление общественного идеала. Ненависть занимает место других импульсов психической жизни русского интеллигента».

Павел Николаевич Милюков, будущий министр иностранных дел Временного правительства, в 1902 г., будучи в Лондоне, в редакции социал-демократической газеты «Искра», говорил: «Еще взорвут двух-трех губернаторов, и будет у нас конституция». Он был дворянином, историком, доцентом Московского императорского университета, председателем Конституционно-демократической партии, именуемой «профессорской». Цель его политической деятельности — изъятие государственной власти из рук дворянства и передача ее буржуазии.

В 1906 г. П.Н. Милюков на встрече с только что назначенным премьер-министром Петром Аркадьевичем Столыпиным, отвечая на предложение войти в правительство, потребовал контроля над силовыми министерствами. П.А. Столыпин сказал: «Вы не справитесь с террором и не удержите государственного порядка». П.Н. Милюков возразил: «Этого не боимся. Если надо будет, мы поставим гильотины на площадях и будем беспощадно расправляться со всеми, кто ведет борьбу против опирающегося на народное доверие правительства» [13].

В 1907 г. профессор Николай Иванович Кареев заявляет с трибуны Государственной думы: «Я предлагаю слово „Россия“ исключить из думских дебатов, так как это имя оскорбляет чувства нерусских членов Думы» [14].

Профессор был внуком генерала, членом Конституционно-демократической партии.

Качество государственного управления в монархии постоянно подвергается критике.

Бездарных несколько семей
Путем богатства и поклонов
Владеют родиной моей.
Стоят превыше всех законов,
Стеной стоя вокруг царя,
Как мопсы жадные и злые,
И, простодушно говоря:
«Ведь только мы и есть Россия!»
(Аполлон Майков, 1855 г.).

За три года революции 1905–1907 гг. было совершено 26 628 террористических актов, погибли 669 человек, свыше 2000 было ранено. По предложению С.Ю. Витте и приказу императора были учреждены военно-полевые суды, в порядке упрощенного судопроизводства (в 24 часа) террористов стали вешать и расстреливать. В 1905–1913 гг. было приговорено к смертной казни 6871 человек, казнен 2981. Террор сопровождался подрывной деятельностью японской разведки.

Поражение России в войне с Японией было предопределено внутренним конфликтом. Были проигранные сражения, но к моменту мирных переговоров армия была приведена в порядок и боеготовность, тогда как в Японии экономика была на грани краха. Признать поражение Россию вынудили забастовки на военных заводах, организованные и профинансированные оппозицией, прерванное снабжение войск. Общество не догадывалось о геополитических факторах войны, антивоенная пропаганда в газетах утверждала ее абсолютную бессмысленность.

17 октября 1905 г. началась политическая либерализация, Николай II подписал Манифест «Об усовершенствовании государственного порядка», империя становилась парламентской, гарантировались свобода совести, слова, собраний, союзов, неприкосновенность личности.

Обнародование Манифеста взорвало страну. «Вообще после Манифеста 17 октября толпа как будто разнуздалась», отметил московский губернатор Владимир Федорович Джунковский.

Общество оказалось не готовым к сотрудничеству. Настроенная на уступки и сотрудничество власть осталась без партнеров.

Великий князь Александр Михайлович, двоюродный брат императора, писал: «17 октября 1905 года, после бесконечного совещания, государь подписал манифест, весь построенный на фразах, имевших двойной смысл. Николай II отказывался удовлетворить обе боровшиеся силы революции — крестьян и рабочих, но перестал быть самодержцем, несмотря на принесенную им во время коронования присягу в московском Успенском соборе — свято соблюдать обычаи своих предков. Интеллигенция получила, наконец, долгожданный парламент. Русский Царь стал отныне пародией на английского короля, и это в стране, бывшей под татарским игом в годы великой хартии вольностей. Сын императора Александра III соглашался разделить свою власть с бандой заговорщиков, политических убийц и провокаторов департамента полиции.

Это был конец! Конец династии, конец империи! Прыжок через пропасть, сделанный тогда, освободил бы нас от агонии последующих двенадцати лет!» [15].

Левые посчитали, что «все дозволено», что власти капитулировали.

В декабре 1905 г. началось восстание в Москве. Боевики имели винтовки «Уотерли» и револьверы «Вэбли», закупленные на японские деньги и доставленные из Финляндии. Деньги боевикам развозили посыльные московских купцов.

В Санкт-Петербурге на совещание в МВД командиров пехотных армейских частей все участники, кроме командира лейб-гвардии Семеновского полка генерал-майора Георгия Александровича Мина, заявили, что в случае привлечения к подавлению народных волнений, они за свои части не ручаются. Полк Г.А. Мина подавил восстание.

Генерал приказал: «Арестованных не иметь и действовать беспощадно. Каждый дом, из которого будет произведен выстрел, уничтожать огнем или артиллериею». В августе 1906 г. Г.А. Мин был застрелен молодой учительницей-эсеркой Зинаидой Коноплянниковой.

Можно проследить аналогию политической реформы 1905 г. с советской «перестройкой», в результате которой разрушился Советский Союз. Вопрос в обоих случаях стоял так: с каких реформ начинать — с политических или экономических?

Сошлемся на принципиальный разговор М.С. Горбачева и Дэн Сяопина, состоявшийся 16 мая 1989 г. во время официального визита советского лидера в КНР. Касаясь идущих в Советском Союзе и Китае реформ, М.С. Горбачев сказал: «Вы начали преобразования с экономики, а мы — с политики, но в итоге придем к одному результату».

Дэн Сяопин возразил: «Мы придем к разным результатам».

В этом споре — ключ к нашей недавней истории [16].

Следующим шагом либерализации была аграрная («столыпинская») реформа. 9 ноября 1906 г. обнародован указ императора, освободивший крестьян от коллективной власти общины. Они становились полноправными гражданами, получали паспорта,

могли выделить свои участки из общинной земли. Им предоставлялась возможность покупать землю по льготной цене в многолетний кредит, причем до 95% такого займа оплачивало государство. В Крестьянский государственный банк для этого передавались казенные и принадлежавшие царской семье земли. Премьер-министр и одновременно министр внутренних дел Петр Аркадьевич Столыпин сделал ставку на развитие внутреннего рынка для растущей отечественной промышленности.

Одна из составляющих аграрной реформы — пресечь хищническое доминирование перекупщиков зерна и банков, две трети которых были иностранными.

Анализ российских финансов позволяет понять влияние банковского капитала на природу Февральской революции 1917 г. Здесь надо учесть одно важное обстоятельство: «Российские банки не были продуктом эволюции российской национальной экономики, напротив, именно они подготовили и проложили дорогу этой эволюции» [17].

Крупнейшие российские банки контролировались из-за рубежа: Международный банк и Русский банк для внешней торговли — немцами, Петербургский Частный банк, Русско-Азиатский, Азово-Донской — французами. Так, Русско-Азиатский банк имел сильные позиции в железнодорожном строительстве и машиностроении, судостроении, военной промышленности, нефтедобыче, угольной промышленности, металлургии; «немецкие» банки — в машиностроении, электропромышленности, металлургии, железнодорожном машиностроении, судостроении [12, с. 155].

К 1914 г. 55% российских ценных бумаг принадлежали иностранному капиталу. Председатель Совета синдиката «Продуголь», член Совета министерства торговли и промышленности Николай Степанович Авдаков расценивал торгово-промышленный капитал как «силу, равновеликую правительству».

Убийство П.А. Столыпина затормозило, но не могло остановить процесс либерализации, она обострила конкуренцию внутри государственного управления. Результат борьбы — петербургская группа, поддерживаемая государственной бюрократией, опирающаяся на сотрудничество с иностранными банками и фирмами, и московская, представляющая национальный капитал, во время Первой мировой войны объединились и предъявили Николаю II требование создать «ответственное правительство», то есть формируемое Государственной думой.

В своей газете «Утро России» лидер национальной группы П.П. Рябушинский высказался в отношении режима: «Жизнь перешагнет труп тормозившего ее сословия с тем же равнодушием, с каким вешняя вода переливается через плотину».

Бизнес начал войну с государством.

Последняя попытка компромисса была предложена во время Первой мировой войны армейским руководством. Начальник Главного артиллерийского управления (ГАУ) Военного министерства генерал Алексей Алексеевич Маниковский представил Николаю II доклад «Программа строительства новых военных заводов» (Меморандум ГАУ). Суть

предложений: военной промышленности следует начать перестройку и ограничить аппетиты буржуазии; государственные заводы должны стать основой промышленности в военное время, а после войны — быть регулятором цен и лидером научно-технического развития; частные заводы должны укрепляться ячейками военных производств под контролем военных. Кроме того, предлагалось ввести пост назначаемого императором и подчиняющегося только ему диктатора, верховного министра государственной обороны, которому подчиняются все министры, государственные и общественные учреждения.

А.А. Маниковский указывал: «Надо внедрить государственный социализм» [18].

Император не принял Меморандум ГАУ, чтобы не обострять отношений с обществом.

Накануне Февральского заговора начальник Петроградского охранного отделения Константин Иванович Глобачев докладывал департаменту полиции МВД: «Существует два революционных заговора. Первый находится в Москве, его состав чисто буржуазный <...> Второй заговор составляют социалисты во главе с А.Ф. Керенским <...> Оба центра взаимосвязаны, первый действует в верхах общества и армии и финансирует вторую организацию. Социалисты работают в армейских казармах и на заводах».

Николая II не раз предупреждали о заговоре, но он не принял должных мер защиты государства.

История Российской империи завершилась.

Согласно трактату о циркуляции элит итальянского социолога Вильфредо Парето, история — это кладбище аристократии. Отечественная история не исключение.

Советский Союз от В.И. Ленина до М.С. Горбачева. Смена циклов

После Октябрьской революции 1917 г. и Гражданской войны последовала либерализация в форме экономической реформы (НЭП). Однако индустриализация была проведена диктаторскими методами.

Сменивший И.В. Сталина Н.С. Хрущев проводил либеральные реформы, был отстранен от власти.

Л.И. Брежнев и Ю.В. Андропов управляли страной консервативными охранительными методами; при этом Ю.В. Андропов искал возможность либерализации и выдвинул в руководство КПСС провинциального политика М.С. Горбачева.

М.С. Горбачев возглавил реформы, используя при этом даже политический словарь Великих реформ Александра II «перестройка», «гласность» и т.д.

Формы правления выковываются преимущественно в горниле практики, а не в безвоздушном пространстве теории.

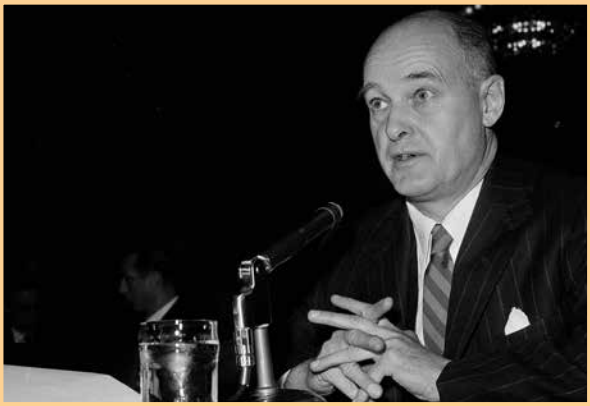
«Перестройку» завершили консервативно настроенные соратники реформатора (аналог «декабристов»), создав Государственный комитет по чрезвычайному положению (ГКЧП) и отстранив М.С. Горбачева от власти.

Консервативный период продлился три дня. СССР, ослабленный экономическими и политическими преобразованиями, распался.

В истории «новой России» повторяется то же самое: либеральный период во главе с Б.Н. Ельциным сменился «подморозкой» В.В. Путина.

* * *

Завершу свой доклад следующим выводом бывшего посланника США в СССР Джорджа Кеннана: «Многие характерные черты советской системы переживут советскую власть, хотя бы уже потому, что все другое, что можно было бы ей противопоставить, было уничтожено. Некоторые же черты советской системы заслуживают того, чтобы они пережили ее, ибо ни одна система, просуществовавшая десятилетия, не может быть лишена отдельных положительных черт. Программа всякого правительства будущей России должна будет учесть тот факт, что в русской жизни был советский период и что этот период оставил — вместе с отрицательным — и свой положительный отпечаток. Плохую помощь окажут членам правительства будущей России те западные доктринеры и нетерпеливые доброжелатели, которые будут ожидать, что они создадут в кратчайший срок



точную копию демократической мечты Запада — только потому, что эти русские люди будут заняты поисками нового строя, способного заменить тот, который мы теперь называем большевизмом.

Вот почему нам, американцам, в особенности следует сдерживать, а если возможно, то раз и навсегда уничтожить укоренившуюся среди нас склонность судить о других народах в зависимости от того, в какой степени они похожи на нас самих. В наших отношениях с *русским народом* для нас теперь более чем когда-либо важно помнить, что наш строй может представляться неподходящим для людей, живущих в иной атмосфере и иных условиях, и что возможно существование социального и государственного строя, не заслуживающего осуждения, хотя бы он и ни в чем не был сходен со строем американским. Сознание такой возможности нисколько не должно нас смущать. В 1831 г. Алексис де Токвиль, писавший из Соединенных Штатов, правильно заметил: *«Чем больше я знакомлюсь с этой страной, тем больше я проникнусь сознанием истины, что нет ничего абсолютного в теоретической оценке политических учреждений и что их эффективность зависит почти всегда от исторических условий, в которых они возникли, и от той социальной среды, в которой они действуют».*

Формы правления выковываются преимущественно в горниле практики, а не в безвоздушном пространстве теории [19].

В связи с недавней кончиной М.С. Горбачева мы должны понять, что простились с «советским руководителем-реформатором», но не с советской историей, ее уроками, которые — всего лишь фрагмент тысячелетней истории России.

По мнению «Стратфора» смена циклов продолжится: «Россия должна доминировать в центре Евразии. Когда она доминирует, она должна хотеть большего. Чем больше она хочет, тем больше будет сталкиваться с внутренней экономической слабостью и социальной нестабильностью, которые не

Согласно трактату о циркуляции элит итальянского социолога Вильфредо Парето, история — это кладбище аристократии. Отечественная история не исключение.

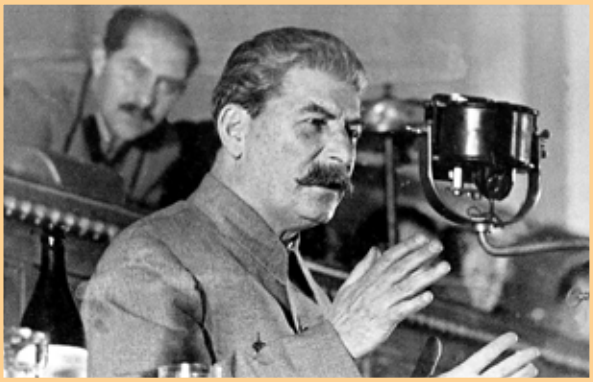
позволят ей поддерживать свои амбиции. А потом Россия должна сжаться. Данный цикл не имеет никакого отношения к русской идеологии или к русскому характеру. Но он имеет отношение к географии, которая в свою очередь создает идеологии и оттачивает характер. Россия есть Россия и должна взглянуть в лицо своей постоянной борьбе».

Чего же нам ждать?

Вот прогноз авторитетного аналитика-прогнозиста, профессора Владимира Игоревича Пантина (2011 г.): «Можно прогнозировать, что именно в период 2017–2020 гг. возможны и даже весьма вероятны крупные региональные военные конфликты с участием ведущих держав и ряда развивающихся стран, прежде всего государств исламского мира <...> Так было при переходе от четвертого к пятому кондратьевскому циклу в начале 1980-х годов (война СССР в Афганистане, которая привела к тому, что возникла широкая антисоветская коалиция), от третьего к четвертому кондратьевскому циклу в начале 1940-х годов (Вторая мировая война), от второго к третьему кондратьевскому циклу в 1890-е годы («империалистические» войны — война Японии с Китаем, война США с Испанией, Англо-бурская война), от первого ко второму кондратьевскому циклу в конце 1840-х — начале 1850-х годов (обострение «восточного вопроса», война России с Турцией, Крымская война). Так, вероятнее всего, произойдет и при переходе от пятого к шестому кондратьевскому циклу в период 2017–2020 гг.

Очевидно, что России и до 2017 г., и в период 2017–2020 гг. необходимо во что бы то ни стало удержаться от участия в крупных военных конфликтах с участием западных и исламских стран. В противном случае Россия рискует оказаться чрезвычайно ослабленной и в дальнейшем стать легкой добычей «друзей и партнеров» с Запада и Востока. Следует иметь в виду, что скорее всего в ближайшее десятилетие <...> западные страны будут усиленно пытаться втянуть Россию в различного рода „коалиции“ и союзы или спровоцировать на военно-политические авантюры. Однако, учитывая чрезвычайно сложное демографическое, экономическое и социально-политическое положение России, ей ни в коем случае не следует принимать участие в этих

Святослав Рыбас



Либо мы сделаем это, либо нас сомнут.

коалициях или, в крайнем случае, чисто символически обозначать свое участие в них.

Вместе с тем России до 2020 г. придется приложить немало усилий, чтобы сохранить свое присутствие на постсоветском пространстве и не потерпеть на этом пространстве стратегического политического поражения. При этом для России в военно-стратегическом плане первостепенное значение имеют три страны, которые непосредственно граничат с ней: это Казахстан, Беларусь и Украина. Несмотря на политические и социально-экономические различия между этими странами, все они в политическом и культурном отношении близки России. Теряя их, Россия фактически теряет значительную часть своей геополитической территории и своего населения <...> Геополитическое и геоэкономическое положение России в начале 2020-х годов может оказаться чрезвычайно сложным из-за отставания в модернизации и инновационной деятельности, общей отсталости системы управления, демографических проблем и связанного с этим возрастающего давления на Россию одновременно и с Запада, и с Востока. В то же время, как следует из кондратьевских циклов и циклов российского внутриполитического развития, именно в начале 2020-х годов весьма вероятен существенный перелом в социально-политическом и экономическом развитии России, который приведет либо к ее возрождению, либо к постепенной деградации, чреватой угрозой территориального распада. В любом случае в рядах российской правящей элиты произойдут существенные изменения» [20].

Сурово? Тревожно?

Но когда такие прогнозы были оптимистичными?

Чем откровеннее, тем продуктивнее. Вспомним стратегический прогноз И.В. Сталина. В 1931 г. на Первой Всесоюзной конференции работников социалистической промышленности он заявил: «Задержать темпы — это значит отстать. <...> Мы должны пробежать это расстояние в десять лет. Либо мы сделаем это, либо нас сомнут».

Военная операция на Украине поставила нас перед очередной развилкой истории. Что впереди, пока невозможно предвидеть. Одно очевидно: мы стоим перед процессом обновления политической элиты и новым историческим циклом. ЭС

ПЭС

Источники

1. Тойнби А.Дж. Постижение истории. М., 1991. С. 87.
2. Вандам А.Е. Геополитика и геостратегия. М.: Кучково поле, 2002. С. 30.
3. Пайпс Р. Россия при старом режиме. М., 2004. С. 36.
4. Геополитика России: перманентная борьба [Электронный ресурс] // Stratfor. URL: http://www.stratfor.com/analysis/geopolitics-russia-permanent-struggle.
5. Тарле Е. В. Крымская война. М. — Л., 1944. Т. 1. С. 40.
6. Шарапов С.Ф. Сентябрь 1899 г. Из «Дневника» кн. Мещерского // В кн.: Избранное. М.: Российская политическая энциклопедия, 2010. С. 120, 121.
7. Татаринов С.В. Россия, век XIX. Финансово-экономические кризисы и Государственный банк: В 2 т. М.: Политическая энциклопедия, 2019. С. 36, 45.
8. Врангель Н.Е. Воспоминания. От крепостного права до большевиков [Электронный ресурс]. URL: http://www.dk1868.ru/history/vrang.htm.
9. Беккер С. Миф о русском дворянстве. М., 2004. С. 203.
10. Экономическая история России (с древнейших времен до 1917 г.): В 2 т. М.: РОССПЭН, 2008. Т. 1. С. 823.
11. Витте С.Ю. Воспоминания. М.: Изд-во социально-экономической литературы, 1960. Т. 2. С. 519.
12. Гиндин И.Ф. Банки и экономическая политика России (XIX и начало XX в.): Очерки истории и типологии русских банков. М., 1997. С. 225.
13. Герасимов А.В. На лезвии с террористами. Париж: ИМКА-ПРЕСС, 1985. С. 78.
14. Розанов В. О писателях и писательстве. М., 1995. С. 422.
15. Великий князь Александр Михайлович. Книга воспоминаний [Электронный ресурс] // Милитера. URL: http://militera.lib.ru/memo/russian/a-m/index.html.
16. Рахманин О.Б. Страницы пережитого. М., 2009. С. 239.
17. Эпштейн Е.М. Российские коммерческие банки (1864–1914). Роль в экономическом развитии России и их национализация / Пер. с франц. А.А. Елистратова. М.: РОССПЭН, 2011. С. 79.
18. Маниковский А.А. Боевое снабжение русской армии в мировую войну [Электронный ресурс]. М.: Государственное военное издательство, 1937. С. 81. URL: http://www.grwar.ru/library/Manikovsky/index.html.
19. Кеннан Дж. Америка и русское будущее // Foreign Affairs. 1951. Апрель.
20. Пантин В.И. Кризисная эпоха 2010–2020 гг. и ее последствия для России // Проекты и риски будущего: Концепции, модели, инструменты, прогнозы. М.: Красанд, 2011.